

Тамара Лазаревна Мотылёва

29.05.1910 — 5.11.1992

ТРАГЕДИЯ РОМЕНА РОЛЛАНА «РОБЕСПЬЕР»

в свете новых материалов

Французский ежегодник 1972

М: Наука. 1973. С.221-238.

Веб-публикация: библиотека Vive Liberta и век Просвещения, 2011

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Пьесу о Робеспьере — завершение цикла «Драмы революции» — Ромен Роллан задумал вместе со всем циклом еще на рубеже столетий и закончил работу над ней осенью 1938 г.¹ Он послал свою рукопись в Москву, и русский перевод «Робеспьера» вышел отдельной книгой одновременно с французским изданием, летом 1939 г. Это было последнее произведение Роллана, которое ему удалось выпустить в свет перед началом второй мировой войны.

О «Робеспьере» писали не раз советские и зарубежные авторы². Посмертные публикации писем Роллана дают повод вернуться к этой пьесе. В свете раздумий, признаний, автокомментариев самого писателя становится яснее и ход его работы над «Драмами революции», и связь этой работы с развитием французской историографии, и та актуальная проблематика, которую заключал в себе «Робеспьер».

Восемь пьес, образующих цикл «Драмы революции», легко поддаются группировке по времени их создания. Первые четыре — «Волки», «Дантон», «Торжество разума», «Четырнадцатое июля» написаны в 1898—1902 гг. Следующие три — «Игра любви и смерти», «Вербное воскресенье», «Леониды» — создавались в середине 20-х годов (с 1924 по 1927 г.). И, наконец, «Робеспьер» — в конце 30-х. Однако возможен и другой принцип группировки. В пяти драмах цикла характеры и конфликты, направляемые потоком истории, приуроченные к определенным этапам развития революции, созданы в основном творческим воображением писателя. И лишь в трех пьесах — «Четырнадцатое июля», «Дантон», «Робеспьер» — сюжеты воспроизводят реальные исторические события, и главные герои — *подлинные* исторические лица.

Но и в этих трех частях роллановского революционного цикла мера документально-исторической достоверности неодинакова. Когда Роллан работал над «Четырнадцатым июля», он был убежден: «Точность в передаче деталей не так важна, как страстный и правдивый охват целого» (1, 3)³. Во имя этого «страстного охвата» событий прошлого в их динамике и целостности Роллан охотно пошел на частичные нарушения

¹ 30 октября 1938 г. Роллан писал в Москву сыну своей жены Сергею Кудашеву: Мы ... возвращаемся из небольшого трехдневного путешествия в Париж, где я прочел только что мною законченного «Робеспьера» небольшому кругу писателей и театральных деятелей, собравшихся у Аркоса» (см. «Всегда в движении». Десять неизвестных писем Романа Роллана Сергею Кудашеву. — «Комсомольская правда», 17.VIII 1966 г.).

² См. Предисловие И. Анисимова к кн.: *Ромен Роллан. Робеспьер*. М., 1939; *Т. Вановская. Ромен Роллан*. Л.—М., 1957; *Т. Мотылёва. Творчество Романа Роллана*. М., 1959; *Z. Karczewska-Markiewicz. Teatr Romaina Rollanda*. Wrocław, 1955; *R. Merle. Le Théâtre de la Révolution*. — «Europe», novembre — décembre 1965.

³ Здесь и далее, где это не оговорено особо, тексты Романа Роллана цитируются по Собранию сочинений в четырнадцати томах (Государственное издательство художественной литературы. М., 1954—1958). В скобках указаны том и страница.

правды фактов, ввел Робеспьера и Марата в круг парижан, штурмующих Бастилию, наделил 20-летнего капрала Гоша красноречием опытного полтика: все это было нужно, чтобы ярче передать напряжение и пафос первых революционных дней. В «Робеспьере», по собственному признанию писателя, он «гораздо ближе следовал фактам, чем в какой-либо другой своей пьесе» (1, 420). Роллан прямо ссылаясь в послесловии к «Робеспьеру» на новые исследования ученых, которые помогли ему на этот раз воссоздать «истинное лицо истории» вернее, чем это было сделано им в «Дантоне». Тут перед нами интересный случай прямого взаимодействия труда писателя, художника с работой историков. «Робеспьер» уже в этом отношении заслуживает специального разбора.

Наверное, стоило бы скрупулезно сверить драмы Роллана о Французской революции с историческими фактами и источниками. Это было бы любопытно и в плане историографии, и в плане психологии творчества: как претворяется документ в художественный образ, в систему образов? Однако думается, что еще поучительнее присмотреться: как отразилось в трагедии о Робеспьере не только «лицо истории» Франции 1794 г., но и французская и международная действительность конца 30-х годов, когда драматург осуществил, наконец, после длительной подготовки, свой замысел, созревший десятилетиями.

Стоит отметить в самом начале: Ромен Роллан и в «Робеспьере», конечно, не ограничивается «чистой» хроникой фактов. Помимо частичных отступлений от хронологии и последовательности событий (о чем еще будет повод сказать дальше) он вводит в круг реальных исторических лиц, членов Конвента, лицо вымышленное — Матьё Реньо. Это — один из главных персонажей пьес Роллана, написанных ранее, «Вербное воскресенье» и «Леониды». Этим «сквозным» персонажем автор как бы смыкает воедино два ряда своих драм о Французской революции — пьесы с вымышленным сюжетом и пьесы-хроники. Однако Матьё Реньо оказался необходим Ромену Роллану не просто как связующее звено между двумя группами драм. С характером и судьбой Матьё Реньо ассоциируются острые проблемы, политические и моральные, поставленные по всему ходу цикла «Драмы революции». К этому мы еще вернемся в дальнейшем.

В работах критиков, писавших о «Робеспьере» (начиная с первой статьи И. Анисимова), отмечалось, что здесь выражен во многом *новый* для Роллана взгляд на Французскую революцию, что здесь распределение света и тени, даже оценка отдельных исторических лиц иная, чем в «Дантоне» или «Игре любви и смерти». В этом смысле на страницах «Робеспьера» нашел отражение тот решающий поворот в умонастроении Романа Роллана, который был им зафиксирован в «Прощании с прошлым», а затем и в сборниках статей «Пятнадцать лет борьбы» и «Мир через революцию».

Все это верно. Но идейное развитие Романа Роллана не оборвалось на «Прощании с прошлым» и даже — на последних томах «Очарованной души». Тридцатые годы, богатые бурными событиями в истории Франции и всего мира, непрерывно вызывали в писателе-борце интенсивную работу мысли, более сложную, более богатую оттенками, чем это могло показаться в 1931—1935 гг. читателям его статей. Рассматривая «Робеспьера» в свете высказываний и признаний Роллана, рассыпанных по его письмам (отчасти и по тем немногим дневниковым записям, которые нам известны), мы можем более отчетливо увидеть и то, как созревал замысел трагедии, как соотносился он с размышлениями писателя над современной ему эпохой, и то, с каким идейным итогом подошел Ромен Роллан к историческому рубежу осени 1939 г. Вчитываясь в разнообразные свидетельства, рассыпанные по дневникам и письмам Роллана, мы видим, что Робеспьер был духовным спутником всей его жизни, предметом многолетней зыскательной любви.

Истоки этой любви надо искать в студенческой юности Роллана. В апреле 1889 г. студент Высшей нормальной школы пришел в только что открытый Музей французской революции на площади Каруссель. В его дневниковых записях по этому поводу выражен сложный комплекс чувств: громадное уважение к нравственной силе деятелей Революции, некоторое недоверие к ее абстрактной фразеологии и презрение к хозяевам Третьей республики, пытающимся присвоить героическое наследие национального прошлого. «Старое рубище Революции, загрязненное столетием забвения, не говоря уже о грязных личностях, которые теперь хотят надеть его на себя. Революция проигрывает, когда ее представляют наглядно. Ее искусство, ее праздники, ее стиль — все это плоско. Ее подлинная ценность — иная, внутренняя, ее величие — нравственное. Революция — как Любовь: горе тому, кто не способен ее чувствовать!» Роллан всматривался в портреты и посмертные маски, которые увидел в музее: «Маска Робеспьера, снятая после гильотины, — мало интеллекта, но полная умиротворенность, мягкий, утихший рот, спокойно опущенные веки». Будущего писателя заинтересовали мемориальные вещи деятелей Конвента: нож и очки Карно, блюдо для бритвы, принадлежавшее Робеспьеру. «Сильнее, чем бешеные чернила Тэна, сильнее, чем пенистое пламя Мишле, эти предметы доказывают мне, что их владельцы жили на самом деле; и вспышками молний моя жизнь сочетается с их жизнью»⁴.

Восемь лет спустя Ромен Роллан, уже начавший и преподавательскую, и литературную деятельность, записал в дневник разговор с отцом своей первой жены, профессором Мишелем Бреалем. «Мой тесть беспокоится, видя, как я углублен в изучение Французской революции, в особенности после разговора, где я проявил свое восхищение перед Робеспьером...»⁵ Почтенный профессор почувствовал, что увлеченное изучение Французской революции предвещает для его зятя острые конфликты с современным буржуазным миром (и, как показал дальнейший путь Роллана, М. Бреаль не ошибся).

В конце 90-х годов Ромен Роллан, целиком захваченный идеями и героями Французской революции, изливал свои чувства в письмах к старшему другу — немецкой писательнице Мальвиде фон Мейзенбург. Он восхищался «шекспировским», «сверхчеловеческим» величием Дантона, Робеспьера, Сен-Жюста, речи которых он усердно читал⁶. Письмо Роллана от 7 ноября 1898 г. целиком посвящено защите Робеспьера. «Вы несправедливы к Робеспьеру [...] Это был не только самый сильный ум Революции, единственный, кто был бы способен установить новый порядок и продвинуть человечество более чем на столетие вперед (а ведь мы еще далеки от Республики, о которой он мечтал); это был не только (вопреки общепринятому мнению) оратор более крупный, чем Дантон... Робеспьер был, помимо того, человек гуманного сердца, глубоко проникшийся страданиями человечества, гораздо более расположенный сочувствовать им, чем остальные. Не он провозгласил террор, он был к этому вынужден; он терпел его, руководил им и умер оттого, что хотел его затормозить. Вспомните, что 9 термидора — дело рук Каррье, который потопил Нант, Фуше, который разрушил Лион, Фрерона, который обстреливал Марсель, Бийо-Варенна, Колло д'Эрбуа, Тальена, которого он [Робеспьер] хотел раздавить. 9 термидора, я в этом убежден, погубило Республику. Последняя речь Робеспьера, произнесенная 8-го, великолепна...» К этой теме Роллан возвращается и в следующем письме: «Когда, вместо того чтобы читать лживые сочинения историков первой половины

⁴ Cahiers Romain Rolland. Le cloître de la rue d'Ulm. Paris, 1952, p. 293—295.

⁵ Альманах «Год XIX». М., 1936, стр. 39.

⁶ Cahiers Romain Rolland. Choix de lettres à Malwida von Meysenbug. Paris, 1948, p. 242—244.

века, изучаешь протоколы Комитета общественного спасения и Конвента, невозможно сомневаться, что Робеспьер стал жертвой террора, который он хотел обуздать, жертвой Колло д'Эрбуа, Бийо-Варенна, личности тоже крупной и абсолютно убежденной...»⁷

В следующем письме к Мейзенбург Роллан с фактами в руках доказывает, что «Робеспьер любил деятелей искусства и был любим ими». «Извините,— говорит он в заключение,— что я посвятил целое письмо этой Революции,— я живу и дышу только ею в настоящее время»⁸.

Уже здесь намечаются конфликты и проблемы, лежащие в основе трагедии «Робеспьер», которую Роллан написал 40 лет спустя. Но в рамках грандиозного замысла «Драм революции» ей должна была предшествовать пьеса о Дантоне, она была закончена Ролланом в канун нового века. В письме к Мальвиде фон Мейзенбург от 17 февраля 1900 г. Роллан комментирует реплику Сен-Жюста, которой завершается эта драма: «Народы умирают, но ими жив Бог». — «Спасибо за ваши похвалы «Дантону». Удивляюсь, что вы не поняли последних слов... Я хотел в них выразить кровавый идеализм Революции, ее безразличие к людям и глубокую веру в Идеи, которые выше людей и стоят над ними. Сен-Жюст и Робеспьер боролись не за то, чтобы установить республиканский образ правления, а за то, чтобы полностью осуществить Идеи пуританской Республики, которая им виделась и которую они обоготворяли. Они были готовы принести в жертву тысячи людей, и самих себя, этим верховным Существом». Роллан говорит далее, что и Робеспьер, и Сен-Жюст были людьми по-своему религиозными, они верили в руссоистского бога — в противовес атеисту Дантону и вольтерьянцу Вадье. «Много лет спустя оставшиеся в живых участники Революции, изгнанные в Бельгию, сокрушались, что слепая ненависть побудила их уничтожить тех, кто были республиканцами, как и они, и были одни лишь способны спасти Республику. Бийо-Варенн, сосланный раньше в Гвиану, а потом на Антильские острова, также каялся, что отправил на казнь и Робеспьера, и Дантона. Он так и не смог утешиться»⁹.

Слова о «кровавом идеализме» ярко выражают взгляды, присущие в ту пору самому Роллану. Он был убежден в исторической необходимости, благотворности Французской революции, которую он так радостно и вдохновенно воспел в «Четырнадцатом июля». Но был убежден в то же время, что большие массовые движения неизбежно несут в себе элемент слепой, разрушающей стихии, иррациональной и неразумно жестокой. Эта мысль нашла непосредственное выражение в наименее удачной из историко-революционных пьес Роллана «Торжество разума»; она сказалась и в «Дантоне».

В письме к Луи Жилле от 2 мая 1902 г. Роллан разъяснял: да, «Четырнадцатое июля» и «Дантон» резко различны по настроению и колориту, но ни в коем случае не следует думать, будто он, Роллан, меняет свои взгляды, точно «флюгер». Пьесы о Французской революции, которые он успел написать,— лишь составные части большого цикла, куда войдут десять или двенадцать драм (уже в то время была задумана, в частности, и пьеса-эпизод «Леониды», где бывшие враги должны встретиться и примириться в изгнании, после окончания революционных событий). «Мой герой,— писал Роллан,— ни Дантон, ни Робеспьер, ни народ, ни выдающиеся личности; это — Жизнь...»¹⁰ Писателю хотелось дать всестороннее художественное исследование Французской революции. Однако в начале 900-х годов Роллан надолго прервал работу над своим

⁷ Cahiers Romain Rolland. Choix de lettres à Malwida von Meysenbug, p. 245—247.

⁸ Ibid., p. 250.

⁹ Ibid., p. 277—278.

¹⁰ Cahiers Romain Rolland. Correspondance entre Louis Gillet et Romain Rolland. Paris, 1949, p. 192.

драматическим циклом. Прервал отчасти потому, что постановка его пьес на парижской сцене наталкивалась на громадные трудности, материальные и идеологические, но главным образом, очевидно, потому, что ему было очень нелегко справиться со своим огромным замыслом, раскрыть в сюжетах своих драм логику исторических событий.

Однако и в последующие годы Роллан, интенсивно занятый «Жан-Кристофом», продолжал размышлять над «Драмами революции», — теми, которые он написал, и теми, которые ему предстояло написать. При этом мысли о Французской революции часто возникали у него в прямой связи с революционными перспективами XX в. В письме к своей немецкой корреспондентке Эльзе Вольф от 12 ноября 1906 г. Роллан делает неожиданное признание: «Я заранее на стороне тех Варваров, которые разрушат с помощью пушек и динамита этот изнеженный и рафинированный старый мир и впусчат сюда крепкий свежий воздух и яркое солнце». И за этим следуют рассуждения о людях Французской революции, о драме «Дантон», о характере Робеспьера, как он там дан. «Самоанализ, несколько претенциозный и болезненный, — существенная черта характера этого необыкновенного человека, которого я страстно полюбил (пусть это и может показаться странным). Я жил с ним, не расставаясь, на протяжении ряда лет; и я вижу в нем (наряду с Сен-Жюстом) великого человека Революции. Другие были героями, или чудовищами, или бессознательно действующими силами; а он, — этот холодный человек, который писал свои речи, был щепетильно аккуратен и в своем внешнем облике, и в своем ораторском искусстве, — был самой совестью Революции: и его смерть стала смертью Революции». Роллан говорит о прозорливости Робеспьера, который «предвидел приход Наполеона», о трагическом величии, с каким он и Сен-Жюст встретили смерть; попутно Роллан сообщает: «Я начал писать «Робеспьера» и, быть может, снова возьмусь за него...» Далее следует набросок психологического портрета Робеспьера: «Этот удивительный человек [...] представлял странную смесь величия и мелочности: глубоко искренний и неспособный на откровенность; одержимый пламенной верой и декламатор, литератор, немного комедиант; нежный, человеческий и бессердечный. (Все эти слова, поставленные рядом, не дают впечатления о подлинной жизни, однако такова жизнь.) Стоит добавить, что сверхчеловеческие задачи, которые давили на него в течение двух лет, держали его в состоянии страшного напряжения, и это понемногу порождало в нем манию преследования и болезненный мистицизм, — но все это таилось в нем, сдерживаясь его холодной волей». Роллан высказывает предположение, что Робеспьер, если бы он не был казнен, все равно умер бы от горя и перенапряжения сил, — а зато Сен-Жюст «стал бы диктатором, чем-то вроде Кромвеля, республиканским Наполеоном»¹¹.

Мы видим, что Роллан был глубоко — и на всю жизнь — захвачен героикой Французской революции. И видим вместе с тем, что особое его внимание привлекали наиболее сложные, трагические аспекты этой революции — ее издержки и жертвы, необходимость кровавой борьбы с врагами внешними и внутренними, кризис якобинской диктатуры и ее крах. Осмыслить все эти проблемы писателю было и оставалось крайне трудно — перед его взором стояли скорей личные судьбы, чем социальные процессы, скорей внутренние противоречия человеческих душ, чем объективные противоречия, заложенные в самой сути великого переворота. Так или иначе, Роллан еще перед первой мировой войной отдавал себе отчет, что современное человечество стоит накануне больших социальных потрясений. Именно в этой связи считал он особенно важным помнить об уроках исторического прошлого, осознать эти уроки.

¹¹ Cahiers Romain Rolland. Fräulein Elsa. Paris, 1964, pp. 93—94.

Статья «Привет свободной и несущей свободу России», которой Роллан приветствовал Февральскую революцию, построена как сопоставление исторических судеб Франции и России. Революция 1789 г., которая была для всего человечества пробуждением «героической энергии», не принесла ожидаемых плодов. Теперь русскому народу предстоит «разбудить старую Европу», вывести человечество из потемок социальной несправедливости и лжи.

«Наша революция, — говорит Роллан, — была делом великих буржуа, порода которых вымерла... Желаю, чтобы ваша революция была революцией великого народа, здорового, братского, человеческого, способного избегать крайностей, в которые впали мы!

Главное, оставайтесь единым! Пусть наш пример будет поучителен для вас! Помните о французском Конвенте, пожирившем, подобно Сатурну, своих детей!.. Наши отцы хотели в 1792 году принести свободу миру. Это им не удалось, возможно они не очень хорошо взяли за дело. Но намерения у них были высокие. Пусть же и у вас они будут столь же высокими. Несите Европе мир и свободу!» (13, 78).

Стремление сопоставить, соотнести революции русскую и французскую, большевиков с якобинцами проходит через ряд статей и писем Роллана, написанных после Октябрьской революции. «Люди, которые руководят большевистским движением, — писал он Жану-Ришару Блоку 24 октября 1918 г., — представляются мне великими марксистскими якобинцами, которые героически отважились на грандиозный опыт»¹². На деятелей Конвента ссылался Роллан и в письме к П. Сейпелю в январе 1919 г.: «Хотите, дорогой друг, чтобы я отмежевался от русской революции? На это и не надейтесь, пока вы не решитесь отмежеваться от революции французской! Перечитайте «Победу якобинцев» Тэна. Полезно время от времени освежать свою память, стоит присмотреться, во имя каких святых буржуазия, которая аплодирует Клемансо и г-ну Дешанелю, добродетельно клеймит большевиков. Вы говорите о грабежах? А разве после 89 года не было грабежей в замках и имениях, и разве нынешнее общество не сумело воспользоваться этими награбленными благами к выгоде для себя? А если я вам напомню сентябрьскую резню, в которой не обошлось без участия Дантона, напомню об убийцах принцессы де Ламбаль, о зловещих судьях Марии-Антуанетты, о кровопийцах Аббатства, о вязальщицах при гильотине (все то, что вы знаете не хуже меня) и т. д. и т. п. — вы мне справедливо ответите, что не в этом суть дела Конвента, и что, особенно, не в этом его идеал. Почему же вы хотите, чтобы жестокости большевистского террора, связанного покушением на Ленина, рассматривались как суть одного из самых мощных социальных движений человечества более чем за столетие?»¹³

Это — одно из многих, столь характерных для Роллана полемических писем, где он, возражая своему корреспонденту, возражал одновременно самому себе. Проблема революционного террора была — и долго продолжала оставаться — камнем преткновения на его политическом пути. И в те моменты, когда в нем поднимались сомнения, нарастало недоверие к революции пролетарской, у него обострялся критицизм и по отношению к якобинцам. Об этом свидетельствует, например, одно из недавно опубликованных писем Роллана, датированное 5 января 1921 г. и адресованное историку Луизе Леви:

«К сожалению, не читал вашей статьи о Сен-Жюсте... Я часто возвращаюсь к трагическим проблемам, о которых напоминают нам сегодня имена людей того времени. Может быть я несколько суров к ним теперь,

¹² Cahiers Romain Rolland. Deux hommes se rencontrent. Paris, 1964, p. 379.

¹³ Подлинник — в Архиве Роллана. В популярной книжке Ж.-Б. Баррера (J.-B. Barrère. Romain Rolland par lui-même. Paris, 1955) письмо опубликовано с существенными купюрами.

пусть я и восхищаюсь их величию. Но, по мере того, как я делаюсь старше ... мне становится все труднее простить две вещи: во-первых, бесчеловечность, пусть даже и во имя самой высокой веры; а также, и со стороны таких великих государственных мужей, как Робеспьер или Сен-Жюст, уничтожение людских богатств, сил, бесценных для прогресса человечества, подобных Кондорсе и в особенности Лавуазье»¹⁴.

Последние строки косвенно свидетельствуют, что именно в это время у Роллана складывался замысел его пьесы «Игра любви и смерти», герой которой, ученый и политический деятель Курвуазье, своим духовным обликом и судьбой ассоциировался у автора отчасти с Лавуазье, отчасти с Кондорсе. Вместе с тем это письмо по общему своему духу отражает позицию Роллана в то время, когда развертывалась его известная дискуссия с Барбюсом, приведшая в конечном счете к их идейному разрыву на несколько лет и к распаду группы «Кларте»¹⁵.

Полемика Роллана с Барбюсом сопровождалась летом 1922 г. обмен письмами между Ролланом и А. Матьезом. Здесь встал вопрос, казалось бы, частный, но принципиально важный в общем контексте дискуссии — отношение «интеллектуальной элиты» XVIII в. к якобинскому террору. Матьез, опровергая один из аргументов, выдвинутых Ролланом против Барбюса, утверждал, что от Французской революции не отвернулись даже в самый разгар террора такие выдающиеся деятели культуры, как Фихте, Вордсворт, Кольридж, Бёрнс. Роллан, возражая Матьезу, в частности, относительно Вордсворта, попутно счел нужным уточнить свою позицию по отношению к Робеспьеру: «Я восхищаюсь Робеспьером, я всегда восхищался им, и (я, наверное, удивлю Матьеза) еще тогда, когда писал «Дантона», я считал Робеспьера гораздо более великим человеком нашей Революции, самым проницательным и самым дальновидным. Мой «Дантон» — лишь обрубок прерванной эпопеи, в которой несколько песен (или драм) должны быть посвящены Робеспьеру... Но, воздавая ему почет, я тем не менее знаю в 1922 г. точно так же, как знал в 1900 г., что, если бы Робеспьер стал завтра хозяином Франции, я пошел бы на казнь с Шенье, а не с Робеспьером»¹⁶. В своем ответе Роллану Матьез напомнил, что Робеспьер не мог нести ответственности за казнь Андре Шенье, так как приговор был вынесен в его отсутствие. Матьез дружески посоветовал автору «Жан-Кристофа» стать ближе к «суровой реальности повседневных боев»¹⁷.

Личность Робеспьера, его судьба, исторические итоги его деятельности — все это продолжало живейшим образом занимать Ромена Роллана в годы его идейных исканий, последовавших за дискуссией 1921—1922 гг. Он следил за новыми трудами историков Французской революции и размышлял над ними. Эти размышления отражены в длинном (больше четырех страниц печатного текста!) письме Ромена Роллана к Анне Марии Курциус, датированном 25 октября 1927 г.¹⁸

Роллан выразил резкое несогласие с той оценкой Робеспьера, которую дала его корреспондентка в написанном ею учебном пособии по истории для немецких школ. Он предостерег А. М. Курциус против не критического отношения к трудам Олара. «...Это самый пристрастный из историков, когда речь заходит о Робеспьере и Дантоне. Он неслыханным образом идеализировал Дантона и оклеветал Робеспьера». В настоящее время

¹⁴ Cahiers Romain Rolland. Un beau visage à tous sens. Paris, 1967, p. 172.

¹⁵ Материалы этой дискуссии полностью воспроизведены и очень тщательно прокомментированы в вышедшей недавно книге: *Romain Rolland. Textes politiques, sociaux et philosophiques choisis*. Introduction et notes par Jean Albertini. Paris, 1970.

¹⁶ «Clarté», 1 juillet 1922.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Опубликовано в книге: Cahiers Romain Rolland. Un beau visage à tous sens, p. 256—260.

нельзя, говорит Роллан, писать о Робеспьере, не учитывая работ Матьева. Правда, и Матьев со своей стороны поддается преувеличениям: он «предает поруганию труп Дантона и возводит Робеспьера на алтарь, и все же надо сказать, что в целом его аргументация, солидно подкрепленная документами, одерживает победу почти по всем пунктам». И далее Роллан резюмирует точку зрения Матьева, по сути дела присоединяясь к ней:

«Во-первых, беспорочен политический гений Робеспьера. Он был во многом самым крупным деятелем Революции...» (за этим следует существенная оговорка: по мнению Роллана не менее значительной личностью был Мирабо). Роллан пишет далее:

«Возвращаясь к Робеспьеру. Наделенный ... очень высоким, очень чистым нравственным чувством ..., самый верный из учеников Жан-Жака ..., Робеспьер обладал ясностью политического взгляда, в которой ему был равен только Мирабо и которая подкреплялась превосходным знанием общественного долга и сверхчеловеческой трудоспособностью». Дальновидность Робеспьера, замечает Роллан, проявилась, в частности, в том, что он был противником объявления войны Европе наперекор жирондистам. «Странная ошибка — представлять себе жирондистов как мягких политиков в противовес терроризму Робеспьера: они были в десять раз более яростны, исполнены ненависти, чем он». Несправедливо также, утверждает Роллан, недооценивать ораторский талант Робеспьера, неверно, будто его речь была «ледяной»: он умел заражать публику энтузиазмом и вызывать слезы на глазах своих слушателей. «Доброта Робеспьера, нежность его сердца в личном общении — неоспоримы. Его обожали и продолжали обожать до конца славные люди, знавшие его близко: достаточно сослаться на семью Дюпле...»

«Как могли совмещаться эти высокие добродетели с коварными и преступными действиями, в которые его вовлекала политическая борьба? Это — одна из тех огромных загадок человеческой души, которую один лишь гений Шекспира смог бы воплотить в произведении искусства. Я не обладаю таким гением; но у меня всегда был замысел написать «Робеспьера», который был бы продолжением и параллелью к моему «Дантону»: эта драма, какую она мне видится, будет гораздо более острой и глубокой.

Я еще бесконечно много мог бы вам рассказать о деятельности Робеспьера, который по сути дела был свергнут вовсе не поборниками более умеренной политики, а чудовищной коалицией, куда входили «разложившиеся» и самые кровожадные (Бийо, Колло и др.). Робеспьер и Сен-Жюст выбились из сил, борясь с виновниками побоищ в Лионе, Нанте и Аррасе. Их казнь положила конец вовсе не террору, а существованию республики, которой оставалось лишь агонизировать до прихода Бонапарта ...

Надо еще отметить, что душа Дантона — загадка не менее неисповедимая, чем душа Робеспьера; ведь позорная продажность этого трибуна — факт, который сегодня уже нельзя отрицать¹⁹. Как могли совмещаться героизм и великодушие его натуры с целой кучей низостей, сегодня уже вполне доказанных? (Но подобную же адскую смесь представляли и такие, как Мирабо, еще до Революции! Вся эта вторая половина XVIII в. — чудовищное порождение Природы: она производила на свет гибридные формы, в которых уживались гений и зверь.)»

Понятно, что Ромен Роллан подходил к проблемам и людям Французской революции не только как историк и политический мыслитель, но прежде всего как художник. Его неизменно глубоко занимала психологическая сторона дела. В ранней драме «Дантон» у него вставала антитеза

¹⁹ В данном вопросе Роллан (здесь и в более поздних высказываниях о Дантоне) некритически следует за Матьевом.

характеров: Дантон — дерзкий, жадный к радостям жизни «атлет-сангвиник», Робеспьер — неумолимо суровый, холодный аскет. Теперь, к концу 20-х годов, Роллан смотрел на вещи глубже, яснее видел связь характеров с обстоятельствами. В письме к А. М. Курциус он дает психологический портрет Робеспьера, внося некоторые коррективы в прежние представления о нем. В условиях напряженной борьбы, всеобщего кипения страстей Робеспьер должен был, вынужден был «надевать маску холодности и бесстрастия», это была своеобразная форма самозащиты, иначе он не смог бы перенести нечеловеческое напряжение, в котором находился. «Внутренние потрясения, которые он испытывал, должны были быть ужасны...»

В заключение письма Роллан говорит о своей работе над «Драмами революции». «Когда я писал «Дантона», Матез еще ничего не успел опубликовать, я знал только Олара и Жореса. Но у меня уже были подозрения, что Олар не знал по-настоящему Робеспьера: Ламартин (который был моей духовной пищей в детстве) подошел гораздо ближе к истине. Я попытался очертить здесь загадки этой противоречивой натуры. Но я обещал себе разобратся в них основательно в драме, посвященной Робеспьеру («Дантон» — лишь одно панно в диптихе. Хоть бы удалось мне завершить это произведение в целом!)».

Казалось бы, приведенный документ свидетельствует, что у Ромена Роллана к концу 20-х годов сложилась достаточно ясная концепция личности Робеспьера, в общем близкая к той, которую он и реализовал впоследствии в своей трагедии. Но почему же подготовка писателя к этой работе затянулась еще на десять лет? Только ли в силу занятости Ромена Роллана другими трудами? Нет, тут, видимо, действовали и более серьезные причины.

Они отчасти коренятся в самой специфике творческого процесса у Ромена Роллана, как художника. В письме к Б. Иллешу от 22 сентября 1932 г. Роллан прямо говорил, что идейные сдвиги лишь постепенно, исподволь сказываются в его художественном творчестве. «Все, что оказывает сильное влияние на мой разум и направляет мою деятельность, начинает проявляться далеко не сразу в моих художественных произведениях...»²⁰ Дело тут, наверное, не только в «индивидуальном ритме» работы Роллана: подобные свидетельства о себе могли бы дать и другие крупные писатели. Этим объясняется факт, на первый взгляд парадоксальный. В 1927 г., в год десятилетия Октября, Роллан открыто и решительно пошел на сближение с Советским Союзом, развернул и продолжил в последующие годы большую публицистическую деятельность, направленную против империализма, в защиту СССР. И в том же 1927 г. вышла его пьеса «Леониды», где сильно дают себя знать абстрактно-гуманистические тенденции. Здесь господствует тон грустной умиротворенности, казалось бы мало соответствующий тому настроению, которое сложилось у Роллана ко времени появления этой пьесы.

Задумываясь над сроками завершения и выхода «Робеспьера», надо иметь в виду и другое. Роллан с самого начала намерен был своими «Драмами революции» не просто оживить в памяти читателей или зрителей героические эпизоды национального прошлого, но и вмешаться в события современности. За четверть века, которая прошла со времени выхода «Дантона», Ромен Роллан приобрел большой международный авторитет как человек и писатель. К его словам прислушивались многие, от каждой его новой книги многого ждали. В пьесе о Робеспьере драматург не мог ограничиться изображением личной судьбы вождя якобинцев. Он должен был тут сказать свое слово по кардинальным проблемам революции, и не только французской. Роллан понимал, что в драме о Робеспьере читатели

²⁰ «Литературное наследство», т. 81. М., 1969, стр. 288.

будут искать ответа на самые острые вопросы современности: не в форме поверхностных аналогий, конечно, но в тех политических и философских *выводах*, которые подсказываются логикой действия. Это возлагало на писателя большую ответственность и требовало от него новых и новых размышлений.

Мы помним, что в период дискуссии с «Кларте» Роллан, переносясь мысленно в эпоху Французской революции, ставил себя рядом «с Шенье, а не с Робеспьером». На рубеже 20-х и 30-х годов он определял свою позицию уже по-иному. В письме к К. Тезицу от 3 декабря 1930 г. Роллан, подчеркивая, как обычно, свою симпатию к Ганди и антипатию ко всякому насилию, вместе с тем утверждал:

«Когда я разглядываю поле битвы глазами историка, я — при всем страдании к сражающимся — делаю свой выбор между лагерями. В 1793 г. этот выбор был бы в пользу Робеспьера. А сегодня — в пользу Ленина и его наследников (пусть даже они и спорят между собой по поводу его наследия). Вы видите в них только разрушителей. Я вижу в них суровых строителей нового Века человечества»²¹.

Все сказанное имеет близкое отношение и к ходу работы Романа Роллана над «Драмами революции».

Те три драмы этого цикла, которые были написаны Ролланом в 1924—1927 гг., носят (в плане идейного развития писателя) переходный характер. В них, особенно в «Игре любви и смерти», сказываются те настроения, которые в свое время продиктовали Роллану «Декларацию независимости духа». В пьесе-прологе «Вербное воскресенье» отчетливо передана расстановка классовых сил в предреволюционной Франции. Тут и семья вельмож-феодалов де Куртене — это те, кому суждено в близком будущем погибнуть или эмигрировать; тут и буржуазные дельцы Поппен и Тьерри, готовые, когда представится случай, завладеть имуществом привилегированного сословия; тут и молодой плебей-разночинец Матьё Реньо, пылающий ненавистью к бессовестным аристократам, уверенный в своей исторической правоте. В пьесе-эпilogе «Леониды» встречаются снова бывшие антагонисты, теперь убеленные сединами: де Куртене, бежавший за границу от революции, и якобинец Матьё Реньо, бежавший за границу от Директории. В финале они примиряются, подают друг другу руки. Как оценить такой финал? Как уже сказано, пьеса окрашена в мирные, умиротворенные тона. Однако существенно, что Матьё Реньо и на закате своих дней продолжает верить в правоту революционного дела.

Очень важные комментарии к «Драмам революции», пусть и высканзанные бегло и как бы между прочим, мы находим в неопубликованных письмах Романа Роллана к румынскому литератору Панаяту Истрати (хранящиеся в Библиотеке Академии наук СРР, в Бухаресте). Как известно, Истрати, литературный «протез» Роллана, человек анархо-бунтарского склада, в конце 20-х годов перешел на антисоветские позиции. Роллан в эти годы неоднократно писал ему, пытаясь его образумить²². В письме от 24 февраля 1929 г. Роллан напоминает Истрати, что история революций изобилует неожиданностями, драматическими осложнениями. Троцкий, изгнанный из СССР, может теперь встретиться за рубежом с врангелевскими генералами-эмигрантами. Подобная ситуация, говорит Роллан, изображена в его пьесе «Леониды»...

Это признание писателя знаменательно.

В «Робеспьере», как мы увидим, Роллан уточнил характеристику Матьё Реньо (он раскрывается здесь как один из противников Робеспьера «слева»). Однако стоит еще раз обратиться к переписке Роллана с Панаятом Истрати. В письме от 14 октября 1929 г. Роллан резко осуж-

²¹ Архив Роллана.

²² См. об этом: Т. Motyleva. Romain Rolland au tournant décisif. — «La Pensée», juin, 1972.

дает Истрати за то, что тот выступил с антисоветской статьей в момент обостренных атак мировой реакции против СССР. «Как вы могли именно сейчас бросить в него камень? Я видел, что Навиль одобрил вас в троцкистском журнале. Помешанные! Буйно помешанные! Точно так же и Карно, и Бийо-Варени способствовали или попустительствовали казни Робеспьера. Весь остаток жизни им пришлось горько каяться в этом!»

Для нас становится все более очевидным тот актуальный смысл, который вложил Ромен Роллан в финал «Робеспьера».

Мы подходим к важному событию жизни Роллана (важному и в плане его работы над «Робеспьером»): к его поездке в СССР летом 1935 г. Впечатления от этой поездки отражены в путевом дневнике писателя, объемистой рукописи, которая, согласно его распоряжению, может быть полностью опубликована только через 50 лет после того, как она была написана. Но большой фрагмент из дневника, напечатанный в журнале «Эроп» в 1960 г., а также многочисленные письма Роллана к разным корреспондентам, дают представление о том, как он воспринял все увиденное.

К путешествию в Советский Союз Роллан был подготовлен многолетними, очень разнородными чтениями, интенсивной перепиской с очень разнообразными корреспондентами. Он знал (и имел возможность убедиться), что в Советской стране есть свои внутренние коллизии, трудности роста, нерешенные задачи. От его взгляда не укрылись и некоторые отрицательные явления, связанные с культом личности. Однако впечатления Роллана, во многом пестрые и неоднозначные, в решающем и главном были очень положительными. Особенно порадовали его встречи с рядовыми советскими людьми — с рабочей молодежью, пионерами, комсомольцами, с представителями младшего поколения советской интеллигенции — с теми, кому новый социальный строй открыл пути к образованию и осмысленному творческому труду. Подводя в дневнике итоги своим впечатлениям, Роллан написал, что тут есть и «актив», и «пассив», но что актив перевешивает.

Все это, несомненно, возвращало Роллана к раздумьям о Французской революции. Все это подсказывало ему мысль, что об успехах революции надо судить по тем реальным, ощутимым положительным переменам, которые она внесла в жизнь трудящихся масс. Впечатления, полученные в Советском Союзе, укрепляли уверенность в исторической необходимости, закономерности революционных путей преобразования жизни. И вместе с тем эти впечатления, отчасти по контрасту, позволяли яснее увидеть слабые стороны и промахи в деятельности якобинцев. Так постепенно прояснялся замысел «Робеспьера».

Вскоре после поездки Роллана в СССР его связи с советской общественностью стали менее тесными. Умер Горький, который на протяжении долгих лет был его другом, боевым товарищем и помогал ему разбираться в сложных вопросах советской действительности²³. Естественно, что Роллана глубоко тревожили драматические события внутренней жизни СССР 1936—1938 гг. Но он оставался преданным другом СССР и не давал себя втянуть ни в какие антисоветские акции, хотя в подобных попытках не было недостатка. Больше того, Роллан пытался в личной переписке давать своим корреспондентам на Западе необходимые разъяснения по поводу того, что беспокоило и озадачивало его самого.

В условиях, когда контакты Роллана с его друзьями в СССР были если не нарушены, то ослаблены, тем большее значение приобрела для него та идейная, моральная поддержка, которую ему оказывали руково-

²³ Большой фактический материал по вопросу об идейных и творческих взаимоотношениях Роллана и Горького обобщен в труде французского исследователя Ж. Перюса (*J. Pérus. Romain Rolland et Maxime Gorki. Paris, 1968*).

дители Французской коммунистической партии, в особенности Морис Торез.

В книге «Сын народа» Морис Торез вспоминает о тех долгих доверительных беседах, которые он вел с Роменом Ролланом, когда приезжал к нему в Вильнёв. В этих беседах вставали актуальные политические вопросы, дела и дни Французской коммунистической партии, по отношению к которой Роллан вел себя в те годы как близкий союзник и соратник. Борьба французских коммунистов за Народный фронт глубоко захватывала Роллана и вызывала полное его сочувствие. Благодаря встречам с ведущими деятелями компартии старый писатель, у которого никогда не было непосредственных, тесных контактов с трудовым народом своей страны, постепенно становился душевно ближе к этому народу, осознавал его силу. Опыт французского Народного фронта — со всем тем, что было в этом опыте и обнадеживающего, и трудного, — по своему отзывался в «Робеспьер».

Есть все основания предположить, что в разговорах Роллана с Торезом затрагивались и проблемы Французской революции, актуальность наследия этой революции в свете идеологической борьбы с фашизмом и насущных задач Народного фронта во Франции. Приближалась памятная дата — 150-летие Французской революции; Морис Торез готовил речь памяти Робеспьера, которую произнес в Аррасе 4 марта 1939 г. Ромен Роллан со своей стороны вернулся к теме Французской революции, возобновил работу над «Робеспьером», написал очерк «Вальми».

В январе 1939 г. Роллан обратился с приветствием к конференции французской компартии:

«На пороге года, в котором будет праздноваться столетие Французской революции, я шлю свой братский привет тем, кого я рассматриваю как ее прямых и подлинных наследников.

Это не означает, конечно, что я страдаю такой узостью ума, чтоб отделить французоз всех партий от этого славного и богатого наследия, которым воспользовались буквально все.

Но именно социализм и коммунизм имели честь взять на себя возобновление прерванного дела и продолжают труд, начатый великими тружениками 1789 года» (13, 490).

В политических условиях Франции конца 30-х годов Ромен Роллан чувствовал себя вправе и свой многолетний труд над «Драмами революции» рассматривать как творческий вклад в дело борьбы французского народа против сил реакции, фашизма, войны. В период Народного фронта французские театры оценили наконец роллановские «Драмы революции», — они шли одна за другой на парижских сценах. Писатель мог надеяться, что и новая его драма будет поставлена и вызовет отклик в демократических кругах зрителей.

В декабре 1937 г. Роллан сообщал Рабиндранату Тагору, что работает над «Робеспьером». «Пишу, — и как здесь отзываются трагические проблемы нашего времени!»²⁴ Год спустя, в декабре 1938 г., Роллан в письме к своему японскому корреспонденту Тосихико Катаяма говорил о предстоящем ему переезде из Швейцарии во Францию. «Мое место — во Франции Народного фронта, тем более что она под угрозой...» И далее мы читаем: «Я теперь пишу «Робеспьера», который должен завершить мой цикл «Драм революции». Это верхушка пирамиды. Меня то и дело поражают черты подобия в ситуациях и характерах между той эпохой и нашей»²⁵.

Тут необходимо уточнить. Роллан в своей пьесе не делал и не имел намерения делать никаких нарочитых «аллюзий». Сопоставления событий

²⁴ Cahiers Romain Rolland. Rabindranath Tagore et R. Rolland. Paris, 1961, p. 85

²⁵ Cahiers Romain Rolland. Un beau visage à tous sens. Paris, 1967, p. 355.

1794 г. с событиями тех лет, когда завершалась работа над трагедией, или их противопоставление естественно возникали в его сознании. Однако в ряду роллановских «Драм революции» его «Робеспьер», как уже сказано, отличается наиболее высоким уровнем историзма. И — пусть не покажется это парадоксом — именно запросы современности особенно побуждали драматурга к тому, чтобы соблюдать верность исторической истине. Он писал свою пьесу во славу Революции, хотел, чтобы она была революционным, антифашистским деянием; он хотел восстановить, очистить от буржуазных вымыслов и клеветы доброе имя великого якобинца. В этом плане пьеса Роллана и речь Тореза обнаруживают явные точки соприкосновения. И вместе с тем Роллан, соотнося трагические события прошлого и настоящего, хотел выяснить: почему Робеспьер в решающий момент оказался изолированным? Пьеса, овеянная высокой революционной героикой, отличается в то же время беспощадной трезвостью анализа. В ней идет речь и о величии якобинской диктатуры, и о ее слабостях и причинах ее падения.

Французская революция XVIII в. раскрывается в изображении Роллана как революция *буржуазная*, и внутренняя борьба среди ее лидеров, приводящая к распаду якобинского блока, мотивируется в первую очередь именно этим. Очень выразительно и сильно написана сцена в Пале-Рояле: тут появляются спекулянты, нувориши, скупщики национальных имуществ, — те, кто воспользовался плодами революции и кому Робеспьер уже начал мешать. Именно в их интересах, по их указке действует Фуше, оплетая Республику нитями контрреволюционного заговора.

Впервые Роллан-драматург выдвигает как решающий критерий оценки революции проблему *народного блага*. Что дала революция тем, во имя кого она была совершена — эксплуатируемым, неимущим? Сцена встречи Робеспьера со старой крестьянкой напоминает о тех справедливых требованиях масс, которые так и не были удовлетворены якобинской диктатурой. Старуха вырастает здесь в своего рода символ страдающей трудовой Франции, заставляет вспомнить о нуждах не только деревенской бедноты, но и плебейских низов города. «Теперь пошли новые богачи, — говорит она. — А бедняки так и остались бедняками. И, правду сказать, никто не доволен» (1, 324). Слова Робеспьера о равенстве граждан перед законом не убеждают ее: «А по-нашему, пускай бы лучше кому победнее, тому бы и прав давали побольше». Робеспьер, пораженный и смягчившийся, может лишь ответить: «Вы верно сказали, я тоже так думаю» (1, 324). В этом обмене репликами по-своему отзывались размышления Роллана над историческим опытом Октябрьской революции, поставившей вопрос о *правах* угнетенных принципиально иначе, чем Французская революция.

Несколько раз по ходу действия пьесы в уста Робеспьера вкладываются самокритические признания, подобные следующему: «Народ отдалается от нас, он разочарован, он безучастен к нашей борьбе» (1, 222). Сцена массового праздника 20 прериаля в честь Верховного существа, казалось бы, свидетельствует об обратном: население Парижа восторженно приветствует Робеспьера, женщины бросают ему розы. Однако драматург исподволь дает нам почувствовать нечто нездоровое истораживающее в этом истерическом почитании главы государства. В толпе раздаются возгласы: «Ты наш добрый пастырь. Счастлив народ, который ты ведешь!» (1, 292). Народ, безоглядно передоверивший свою будущность «доброму пастырю», — это уже не тот народ, который брал Бастилию и брал на себя ответственность за судьбы страны. Именно эта сцена, казалось бы, высшего триумфа Робеспьера косвенно подтверждает злобные слова Фуше, обращенные к Гошу, в одном из предшествующих эпизодов: «Ты знал народ времен четырнадцатого июля и десятого августа. Того народа больше нет. Не надейся...» (1, 277).

Нет никаких оснований — хотя это и делалось в критике — приписывать Роллану мысль, будто для спасения революции было необходимо усиление террора и личной власти Робеспьера, политика «сильной руки»²⁶. В последней своей пьесе Ромен Роллан гораздо более диалектично и трезво подходит к проблеме террора, чем это может показаться на поверхностный взгляд. Писатель тут далек, конечно, от любого отвлеченно-гуманистического отрицания любого насилия, любого кровопролития. Он показывает состояние непрерывной, отчаянной, героической самозащиты, в которой находилась юная Французская республика: в таких условиях политика снисхождения к врагам была бы невозможной и губительной. Однако Роллан позволяет нам увидеть и другую сторону дела. Он судит о терроре не с позиций абстрактного милосердия, а с позиций революционной целесообразности, — и дает своим читателям возможность убедиться, что эксцессы террора в конечном счете припели делу революции глубокий вред. В условиях массовых скорых расправ погибали честные граждане и мало-помалу подрывалась вера народа в правоту революционного дела.

В финальных эпизодах трагедии представлены те героические попытки спасти Робеспьера, спасти революцию, которые предпринимались деятелями Парижской коммуны при поддержке немалой части трудящихся столицы. Но среди этих трудящихся уже нет былой сплоченности. В ответ на призывы Симона Дюпле подняться на защиту Робеспьера, который всегда стоял за народ, командир одной из парижских секций отвечает: «Так-то, оно так... да ведь и другие стояли за нас. А где они? Две трети посланы на гильотину. А те, что остались, уничтожают друг друга. В такой свалке и не разберешь, за кем идти» (1, 388).

И тут стоит задуматься: почему, с какой целью Роллан, столь желавший строго придерживаться исторической истины, в некоторых случаях все же отступил от правды конкретных фактов? Он намеренно изменил, например, дату и обстоятельства ареста Гоша (на самом деле Гош был заключен в тюрьму еще ранней весной 1794 г. — у Роллана же этот арест происходит 3 прериаля, т. е. в конце мая). Взятие Гоша под стражу в Пале-Рояле, прямо на глазах у обнаглевших нуворишей, — один из наиболее острых моментов пьесы. Об излишествах и злоупотреблениях при проведении террора не раз упоминается по ходу диалогов, о них с тревогой говорит сам Робеспьер. Однако драматургу было нужно показать, как совершались эти злоупотребления — наглядно, зримо, на живом человеческом примере. Необоснованный арест храброго полковника Республики с особой резкостью сигнализирует о трагических ошибках якобинской диктатуры.

Другая намеренная неточность, в которой сознается (в послесловии к «Робеспьеру») сам Роллан, касается Гракха Бабёфа. Опираясь на реальный исторический факт разногласий Бабёфа с Робеспьером, писатель непосредственно включает будущего организатора «Заговора во имя равенства» в среду термидорианцев. Ученые вправе упрекнуть тут Роллана в вольном обращении с историческим материалом. Но у него был свой замысел: показать, что среди заговорщиков были наряду с авантюристами и аморальными типами вроде Фуше или Тальена и люди большой личной честности, восставшие против Робеспьера потому, что видели в нем «тирана». И эти люди — утверждает Роллан логикомо действия своей трагедии — роковым образом заблуждались. Именно так заблуждается и любимый Ролланом вымышленный персонаж, морально безупречный якобинец из круга Эбера и Шометта — Матьё Реньо.

²⁶ Такой взгляд был выражен в первой советской рецензии на «Робеспьера», опубликованной в № 3 «Историка-марксиста» 1939 г. (автор — Л. Ган); к этому мнению близка и современная польская исследовательница З. Карчевска-Маркевич.

Анализ «Робеспьера» дает основание самым решительным образом не согласиться с той трактовкой цикла «Драмы революции», которую предложил (сравнительно недавно, в дни столетнего юбилея Роллана) французский исследователь Жак Робише. Он дает этим драмам (включая и «Робеспьера») следующую суммарную характеристику: «В битвах Революции столкнулись люди, которые ненавидели друг друга, но которые (не исключая и контрреволюционеров) были в силу их общего благородства достойны друг друга. Такова ирония Истории: она питается недоразумениями и ненужной ненавистью. Мы находим здесь идеал примирения, который представляет сердцевину мысли Роллана. В этом величие его драматургии»²⁷. Для Ж. Робише вся богатая и сложная проблематика революционной эпохи, отображенной Ролланом в его историческом цикле, сводится к «недоразумениям»; классовые бои, двинувшие вперед историю всего человечества, оказываются в такой интерпретации бессмысленными, абсурдными. Нет, Роллан мыслил не так! И защитники старого порядка (вспомним беспощадный групповой портрет аристократической семьи Куртене в «Вербном воскресеньи») вовсе не рисовались им в облагораживающем аспекте. Что же касается контрреволюционеров в «Робеспьере», то они очерчены в высшей степени дифференцированно: драматург вникает в особенности личной судьбы и мотивы действия каждого из них. К «разложившимся», интриганам, корыстолюбцам Роллан беспощаден. Тех же, кто оступился, ошибся, — и помог торжеству реакции, сам того не желая, — Роллан судит тоже сурово, но по-иному: судом их собственной совести.

Эта тенденция ясно выражена в заключительной, 24-й картине «Робеспьера», неожиданной и в какой-то мере уязвимой по своему художественному решению. Те участники термидорианского заговора, которые, согласно историческим источникам, впоследствии горько каялись в своих действиях, как Бийо-Варенн или Баррер, в этой картине раскаиваются немедленно, видя, как на улицах после казни Робеспьера ликует реакционный сброд. Сокрушаясь о том, что содеянно, они зовут к себе погибших людей Революции. Матьё Реньо восклицает: «Встанем все как один, живые и мертвые! Сюда, Марат! Восстань из могилы!.. На помощь, Шалье, Лепелетье, к нам, Верньо, сюда, Шометт, сюда, Дантон, к нам, Сен-Жюст и Робеспьер!» (1, 418). Реалистическое изображение событий прошлого здесь переключено в плоскость символической, и можно спорить, удачно ли это сделано. Однако нет никаких оснований думать, что драматург здесь «амнистирует» врагов якобинства. Напротив, он ускоряет раскаianie «левых» термидорианцев для того, чтобы их неправота стала тем более очевидной. Сколь бы ни были велики ошибки и промахи Робеспьера, сколь бы ни были честны субъективные мотивы, которыми руководствовались такие люди, как Бийо-Варенн или Колло д'Эрбуа (а вместе с ними, в пьесе, и Гракх Бабёф, и Матьё Реньо) — объективно действия этих людей сыграли на руку самым черным антинародным силам. Роллан прибегает к художественной условности именно для того, чтобы в сценически предельно доходчивой форме утвердить идею, необычайно ему дорогую: завоевания революции надлежит беречь, как зеницу ока.

Финал «Робеспьера» дает нам повод еще раз задуматься над художественной спецификой пьесы. Роллан, говоря о своем историко-революционном цикле, как правило, пользовался термином «драмы», а не «трагедии». Однако «Робеспьер» — в большей мере, чем какая-либо другая из восьми пьес, образующих цикл, — заслуживает наименования трагедии: не просто потому, что завершается гибелью главных героев, но прежде всего потому, что действие строится на острых конфликтах большого ис-

²⁷ J. Robichez. Le Théâtre.— Romain Rolland. Sa vie, son oeuvre. Archives de France—Hôtel de Rohan, 1966, p. 98.

торического и даже философского масштаба, конфликтах, остающихся неразрешенными. Трагический характер действия «Робеспьера» выявляется в трех планах. Перед нами прежде всего трагедия самой Революции, потерпевшей тяжелое поражение. Перед нами трагедия главных героев: Робеспьера, Сен-Жюста и их сподвижников, которые отдали свои жизни за дело народа и сломились под бременем непосильных задач, возложенных на них историей. И, наконец,— трагедия тех честно заблуждавшихся якобинцев «левого» толка, которые наиболее ярко воплощены в фигуре Матьё Реньо: стремясь и надеясь продолжить дело Революции, они, сами того не желая, содействовали ее падению.

Существенно вместе с тем, что «Робеспьер», произведение трагедийное по своей сути, заключает в себе явственный элемент исторического оптимизма. Он воплощен не только в заключительной реплике Сен-Жюста: «Декларация прав человека... Наше создание... Она победит!» (1, 416),— но и во всей атмосфере, колорите действия, в символических видениях Робеспьера накануне казни, в музыкальном финале, в котором, по авторской ремарке, мелодия «Марсельезы» должна была перейти в звуки «Интернационала» (сама идея сочетать эти два гимна могла быть подсказана Роллану практикой массовых собраний и демонстраций во Франции 1935—1938 гг., о которых он знал, хотя и не участвовал в них лично).

Трагедия «Робеспьер», взятая в целом, своеобразно отразила в своем художественном строе сложность исторического момента, когда она создавалась: подъем Народного фронта и начало его заката, остроту продолжавшихся и надвигавшихся схваток антифашистских сил с силами реакции — и внутри страны, и во всемирном масштабе. Роллану, несомненно, хотелось утвердить своей трагедией величие Революции, ее героизм, представить судьбу Робеспьера и его сподвижников так, чтобы сама их гибель заключала в себе моральный апофеоз, и вместе с тем передать динамику и напряженный драматизм поступательного хода истории.

Эту особую художественную природу «Робеспьера» отметил в свое время и столь далекий от революционных идей человек, как Стефан Цвейг. Он писал Роллану в марте 1939 г.: «...Пьеса не оставляет ощущения, что речь идет о поражении революции. Мы должны чувствовать и чувствуем, что этот человек — одна из жертв на пути, но что сам путь не закрыт»²⁸.

История человечества движется вперед, проходя через тяжелые потрясения, лишения, жертвы, но ее движение вперед неодолимо: эту мысль мы можем найти во многих статьях и письмах Роллана, она присутствует и в его статье «Необходимость революции», напечатанной в журнале «Эроп» 15 февраля 1939 г. и посвященной 150-летию Французской революции. Роллан вспоминает о заслугах передовых мыслителей XVIII в., которые подготовили революцию и были ее провозвестниками. Задумываясь над причинами поражения якобинской диктатуры, Роллан цитирует записки Робеспьера (относящиеся к концу лета 1793 г.), где выражено опасение, что «порочные люди и богачи» сумеют использовать невежество народных масс в своих корыстных целях.

Обозревая путь, пройденный человечеством за полтора столетия, Роллан приходит к выводу: «Поле битвы расширилось. И если средства врага усложнились, то и наши колоссально возросли...»

«... В нашей власти теперь, если мы хотим, реализовать союз всех тружеников как физического труда, так и тружеников мысли, ибо в настоящее время нет такого вида техники и такого вида труда, куда этот союз не проникал бы; как нам есть чему поучиться у наших товарищей рабочих и крестьян, так и им есть чему поучиться у нас. И все

²⁸ Подлинник — в Архиве Роллана.

мы вместе достаточно сильны, чтобы перенять цепь великих трудов и боев Революции.

Революция 1798 г. была остановлена на полпути. Необходимо сделать так, чтобы она двинулась вперед, пока все ее великие обещания не будут выполнены»²⁹.

Р.Роллан, «Робеспьер» (фрагменты драмы)

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/RR1.pdf>

Собрание материалов, посвященных Робеспьеру

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/refl.htm#MR>

О Ромене Роллане:

Г.Цвенгрош. Р.Роллан – интерпретатор и поэт Великой французской революции (драма «Волки»: тезис и идейно-нравственная проблематика)

Т.Занадворова. Жан-Жак Руссо в «Драмах Революции» Ромена Роллана

/ в сб. «Великая французская революция и литературная жизнь Европы»: межвуз. сб. науч. трудов (Куйбышев, 1989)

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70628293.htm>

Е.Петрова. «Театр Революции» Ромена Роллана: драмы 1920-1930-х годов

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rolland_petrova.pdf

другие материалы

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#RmR1>

²⁹ Русский перевод этой статьи Роллана появился в журнале «Историк-марксист» № 3 за 1939 г. К сожалению, переводчик (его фамилия в журнале не дана) позволил себе «дополнить» последний абзац. Этот абзац в переводе читается так: «Революция 1789 г. была остановлена на полпути. Необходимо, по примеру наших товарищей в СССР, сделать так, чтобы она двинулась вперед во всем мире, пока все ее великие обещания не будут выполнены и социальная справедливость не будет установлена». Выделенные слова вставлены переводчиком. Таким образом мысль Роллана до известной степени искажается.